

А.Т. Сайтов*

A.T. Saytov*

**Устная история как метод
в изучении истории репрессии
духовенства в Каракалпакстане****Oral History as a Way of Studying
the History of Repression against
the Clergy in Karakalpakstan**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-11

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-11

УДК 930.2(47).297.17.(575.172)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Сайтов А.Т. Устная история как метод в изучении истории репрессии духовенства в Каракалпакстане // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 132–143. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-11.pdf>

Saytov A.T. Oral History as a Way of Studying the History of Repression against the Clergy in Karakalpakstan // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 132–143. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-11.pdf>

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of Karakalpakstan, namely, it addresses the issues of repression and persecution against the clergy based on oral history methods. A biographical approach to the study of this issue allows us to re-evaluate the impact of current events in society on the turning points of family life and how it affected people's lives. Based on the subjective experiences, we obtain a peculiar description of events, among which it is difficult to find identical recollections of participants in a particular event, and this lies in the special value of oral historical materials.

Keywords: power; repression; persecution and prosecutions; clergy; akhuns; ishans; “enemies of the people”; memories; biographic method; oral history.

The article has been received by the editor on 28.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории Каракалпакстана, а именно вопросам репрессий и преследований духовенства, изучаемым с помощью методов устной истории. Биографический подход к изучению этой проблемы позволяет нам переоценить влияние текущих событий в обществе на поворотные моменты семейной жизни и рассмотреть, как они сказались на жизни людей. Основываясь на субъективном опыте переживаний, мы получаем своеобразное описание событий, среди которых трудно найти идентичные воспоминания участников того или иного события, и в этом заключается особая ценность устных исторических материалов.

Ключевые слова: власть; репрессии; гонения и преследования; духовенство; ахуны; ишаны; «враги народа»; воспоминания; биографический метод; устная история.

«Каждая эпоха имеет свое вещее слово, которым характеризуется главное событие, кардинально преобразующее как жизнь общества, так и само общество»¹.

В период правления советского тоталитарного строя каракалпакский народ (и особенно представители интеллигенции) понес невосполнимые потери и многие люди пожертвовали жизнью ради сохранения нации и национального наследия.

---

* Сайтов Алибек Тенелбаевич, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, Нукус, Республика Узбекистан, e-mail: alisay78@mail.ru

Saitov Alibek T., Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus, Republic of Uzbekistan, e-mail: alisay78@mail.ru

¹ Алимova Д.А. История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. I. С. 74.

В первые годы советской власти были изданы такие декреты: «Об отделении церкви от государства», «Об отмене вакфного имущества», «О ликвидации судов казиев и биев», «О закрытии медресе и мактабов. Этим власть поставила в сложное положение мусульманское духовенство, которое составляло основную часть национальной интеллигенции среднеазиатского общества. Не все в обществе приняли новую власть советов, которая понимала, что внедрение этих декретов в жизнь, к тому же в условиях гражданской войны, приведет к недовольствам среди основной массы населения. Степень влияния религии и религиозных деятелей на повседневную жизнь была высока, поэтому власть пошла на уступки. В начале 1920-х гг. действовали мечети, мектебы и мадраса и большая часть земель оставалась в руках ахунов, ишанов, казиев и биев.

Постепенно советская власть меняла свое отношение к верующим и религиозным организациям, т.к. не совмещались в «одном котле» коммунистическая идея и религиозные верования.

«Во второй половине 1920-х гг. в республике в массовом порядке стали закрываться мечети, церкви, старометодные мактабы, мадраса, корихана, ликвидировались оставшиеся вакфы, казийские суды»².

Всех духовнообразованных, которые учились в мечетях и медресе, объявили «муллами, ахунами, ишанами, суфиями» и начали необоснованно преследовать. Многих сажали в тюрьму, многих напрасно казнили. Членам и семьям религиозного духовенства выпало много бедствий и трудностей, они подвергались гонениям и преследованиям со стороны власти.

Известный ученый, профессор Ш. Бабашев почти всю свою научную деятельность посвятил изучению вопросов репрессий и возглавлял Каракалпакский отдел фонда «Шахидлар хотираси» (Фонд памяти жертв репрессий). Одну из многочисленных архивных работ он посвятил репрессиям духовенства и отметил тот факт, что гонения и преследование в Каракалпакстане начались именно в конце 1920-х гг.: «В 1927 году были закрыты медресе Каракум-ишан, Тас медресе, медресе Арзымбет-ишан, медресе Асамаддин-ишан в Кунграде, медресе Ешим-ахун, «Бес-ишан» в Тахтакупыре, «Хан-мечеть» в Чимбае, мечеть Кум-озек и другие мечети и медресе. Библиотеки почти всех мечетей и медресе были сожжены. Их земли и имущества медресе были отняты и распределены между государственными учреждениями. Обучавшие детей ахуны, имамы, ишаны, муллы лишились своих прав, оказались «врагами народа», наряду с кулаками их привлекли к уплате налогов, лишили средств к существованию; многих из них арестовали и отправили в ссылки... Советская власть считала, что единственным врагом большевицкой идеологии является мусульманское духовенство, и объявила ему открытую войну»³.

Следует отметить, что в нашей республике в 1936–1937 гг. гонение на представителей религиозного духовенства и их арест приняли массовый характер. «Через созданные новой властью «Союзы воинствующих безбожников» началась антирелигиозная пропаганда, пережитки (отголоски) которой можно проследить, порой, и в современном обществе. Духовенство было взято под особый «присмотр» советов»⁴. На этом преследования и гонения религиозных деятелей не закончились.

В советский период эти трагические страницы нашей истории не изучались. «Первое разрешение этого кризиса последовало после смерти Сталина, на XX съезде партии. Но, обсудив культ личности и связанные с ним беззакония, партия еще не была готова к тому, чтобы ликвидировать коренные причины, породившие грубейшие деформации социализма. Такую возможность открыла перестройка... рожденные ею процессы демократизации и гласности вывели эту тему из забвения, а главное – дали толчок продолжению работы по реабилитации жертв сталинского произвола. Практически завершена реабили-

² *Махкамова Н.Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в). Ташкент: Aloqachi, 2009. С. 172.

³ *Бабашев Ш.* Дөхмет дегиши. Нукус: Каракалпакстан, 2009. С. 14–15.

⁴ *Карлыбаев М.* Мусульманское духовенство и власть // Вестник ККО АН РУз. 2003. № 5. С. 49.

тация граждан в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года»⁵.

В конце 80-х – в начале 90-х гг. XX в. история репрессий и в целом историческая правда, которая всеми силами скрывалась от народа, привлекает внимание целого общества. В тот момент общество и средства массовой информации были охвачены своего рода эйфорией и стремлением к исторической правде. Тем более для народа, пережившего разного рода репрессии, память людей была единственным источником исторической правды о репрессиях, поскольку архивные документы еще не были доступны. Кроме историков в этом процессе активно участвовали журналисты, писатели, поэты и люди, чьих предков репрессировали. На волне всеобщей разоблачительности особенно в 1990-е гг. появился ряд статей в республиканских газетах и журналах. Отдельные публикации Т. Абдимуратова⁶, Е. Усенова⁷, О. Утеулиева⁸, позднее А. Даулетмуратова⁹, написанные не на основе научных исследований на тему репрессий и гонений духовенства, носили популистский характер. Художественная проза, пропитанная пафосом воспоминаний, писалась в духе того раннего периода заявлений о реабилитации. Конечно, в такой атмосфере критический и исследовательский подход к этой для обществ болезненной теме и к проблемам памяти о предках был едва ли возможен.

Сведения по истории репрессий и гонений против религиозного духовенства встречаются в изданных мемуарах и воспоминаниях¹⁰ многих видных государственных, хозяйственных и культурных деятелей периода независимости.

К изучению данной научной проблемы мы решили подойти с точки зрения устной истории. «Одним из видов исследования и описания человека как личности и в сочетании с его деятельностью является биографический метод. Он направлен на исследование индивидуальной жизни человека, с акцентом на субъективные представления индивида о своей жизни и социальной реальности, выраженные в форме индивидуально-субъективного повествования»¹¹.

Известный ученый К.А. Тимирязев отмечал: «Изучающему историю наук часто приходится убеждаться в том, что изобретение или правильное последовательное применение нового приема исследования, нового инструмента играет не менее важную роль в развитии знаний, чем даже новая идея, новая теория»¹².

Изучая сведения и факты по избранной теме, исследователь собирает информацию от живых источников, т.е. путем расспросов. Для получения сведений о религиозных служителях Каракалпакстана целесообразен метод интервьюирования. Воспоминания и рассказы потомков ахунов и ишанов позволят изучить уклад жизни в семье священнослужителя, его образ жизни. Собранные нами воспоминания свидетельствуют о восприятии бывшими детьми репрессий своих родителей. Рассказы бывших жертв репрессий могут послужить важным информационным источником.

Нажматдин Айымбетов (1926 г. Караузьякский район, Республика Каракалпакстан) вспоминает о своем отце Айымбет ахуне: «*Мы из семьи рабочих. Родился в Самат ауле, близ Куралпа. Наш старик подвергался гонениям. Айымбет ахун родился в 1886 году. Умер в 1960 году. Он жил там, там же его начали преследовать, оттуда отправили в тюрьму.*

⁵ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 14, 7.

⁶ Абдимуратов Т. Репрессияға ушыраған уламалар. Нукус, 1992.

⁷ Усенов Е. Ийшан қала: Ғайры журтлардағы қарақалпақлар. Нукус, 1992.

⁸ Утеулиев О. Хўждан ҳам ҳўким. Нукус, 1992.

⁹ Даулетмуратов А. Салмен ишан. Нукус, 2008.

¹⁰ Адилев А. Билгениңнен билмегеним көп дўнья. Нукус, 2004; Қаниязов С. Алтын жағыс. Нукус: Билим, 2006; Қунназаров А. Жети асырым. Нукус, 2000; Шагилов И. Өткен күнлерди еслеймен. Нукус, 2012; Примов О. Ҳаетим мазмуни. Ургенч, 1998; Тилеубергенов А. Кемликтен камал тапқанлар. Нукус, 2014.

¹¹ Азимова Н. Жизненная история (Life history) как одна из разновидностей биографического метода // Устная история в Узбекистане: теория и практика: сб. науч. стат. Ташкент, 2011. Вып. I. С. 300.

¹² Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии (очерки историографии и источниковедения) / отв. ред. А.Д. Алимова. Ташкент, 2014. С. 3.

В те времена сажали на три месяца, на месяц. Они копали землю. Это были 1939–1940 годы. С 1932 года их начали преследовать. В 1933 году их арестовали. Репрессировали как религиозное лицо. В 1937 году он три месяца просидел в тюрьме. Потом оправдали. В 1940 году мы уехали к морю, в Арал. Были на Арале на острове Мерген атау. Там работал мой старший брат. После этого отец никуда не выходил. Умер в 1960 году. Там был пункт приема рыбы. Поэтому мы поехали туда. Были рабочими в пункте, на рыбном заводе. Рыбный пункт – один из заготовительных пунктов завода. За то время пережили все тяготы, какие только могут быть. В 1964 году приехали обратно сюда.

Отец, хоть получил религиозное образование, но стал рабочим. У нас есть местечко Кабак-ата. Кладбище. Рядом есть мечеть Бекпан ишана. Отец учился там. В Кипчаке было Шейтас-медресе (Тас медресе), как раз близ понтонного моста. Он учился в нем. После приезда в аул в 1927 году он два года обучал детей. В 1929 году распустил их. Тогда власть закрывала все мечети. В восстании¹³ он не участвовал.

Нас в школу не приняли. Говорили, что мы бесправные. В 1938 году я должен был пойти в школу. Только в тюрьму не сажали. Мы там были рабочими (на Арале. – А. С.). Не учились. Нам не дали учиться. Вообще не пустили в школу. Потом пошли в пункт рабочими с 1940 года. В 1948 году была Сибирь. Испугавшись Сибири, работали в пункте рабочими. Тех, кто не работал, отправляли на 8 лет. Вышел такой указ, если кто-нибудь не работает и не имеет рабочего дня, отправить в Сибирь. Я испугался этого указа и работал в Мерген атау до 1964 года. Брат в 1942 году ушел на войну. И не вернулся больше. Младший брат ходил со мной. Он учился. В Мерген атау была четырехлетняя школа. Он пошел туда. Его приняли как из семьи армейца. Там он окончил 4 класса, 10-й закончил в Тахтакупыре, поехал в институт и окончил его где-то в 1965 году.

С 1964 года вода на море стала убывать. Поэтому мы переехали сюда – в совхоз Караузяк. Когда мы приехали, с момента основания совхоза прошел год. С тех пор мы спокойно работали в совхозе. Я был бригадиром, выращивал рис, работал в ПМК. Я немного грамотный. Учил устно у разных людей. У меня нет документа об окончании школы. Сейчас это мешает. Я пострадал из-за безграмотности. Заявление написать не могу, если устраиваюсь на работу, то вести документацию не умею. У меня есть религиозное образование. Отец учил: это уже ты обязан выучить, отличить халял от харам. У мусульман обучают законам: никого не обманывать, не красть. У мусульман такое обучение. Намаз читаешь, ни о ком плохо не говоришь»¹⁴.

Как видим, репрессивная политика влияла на качество жизни, судьбу не только репрессированного, но и на членов их семьи, детей; из рассказа информанта мы узнаем и подтверждения о начале экономической катастрофы – с середины 60-х гг. XX в. Арал начал высыхать.

К видам биографического метода относятся устная история, история жизни, история семьи. В ходе исследовательских работ при изучении жизни судьбы религиозного духовенства Каракалпакстана мы использовали данные методы исследования. Надо отметить, что «биографических» рассказов о личностях, в частности о представителях духовенства, в народе бытует очень много, но самих очевидцев тех событий со временем становится все меньше. Историческая память со временем стирается, рассказы приобретают все более мифологизированную окраску. Сбор устных материалов помог бы хоть немного разобраться в вопросах истории Новейшего времени, в раскрытии определенных аспектов ее, пополнить как минимум фактологический фонд.

Рассказывая свою биографию, респонденты дают оценку событиям, выражают свои переживания, свое отношение к происходящим событиям. Сторонники биографического метода сходились на том, что такие биографические факторы, как семейные традиции, взаимоотношения с членами семей, переломные моменты жизни, наследственность играют важную роль в жизни человека.

¹³ В 1929 г. в Тахтакупыре было восстание против коллективизации. Предводителями были крупные землевладельцы, в т.ч. ахуны, ишаны, кази и т.д.

¹⁴ Сайтов А. Полевые записи № 5 2015 г.

О Торенияз ахуне, который, боясь репрессии и расстрела, был вынужден оставить родную землю и уехать в чужие края, вспоминает его внук Абдисат Торениязов: «Я родился в 1938 году. Тогда же не было паспортов, метрик. Поэтому документы мы взяли, когда учились. Я сын Аблакима, Аблаким же сын Торенияз ахуна. Он был ишаном, ахуном. В нашем Аралбай ауле построили Бийик мечеть, он был в нем имамом, в свое время открыл медресе и учил детей. В 1937 году он умер. До смерти подвергся репрессии, он побывал во многих местах, несколько раз попадал в Чимбайскую тюрьму, но, говоря сегодняшним языком, не оказалось вещдоков. Торенияз ахун, хотя и был ишаном, ахуном, но у него не было совершенно никакого имущества. Поэтому его каждый раз отпускали. Однако его повторно сажали, тогда же были батраки или люди нового времени, они все сообщали (то ли это невежды, то ли завистники), так его сажали каждый раз. Поэтому он решил побыть на стороне, пока это правительство окончательно не определится, и поехал в Туркмению. В Туркменистане в местечке “360 аулие” был некто Аралбай ахун. Так он решил переехать туда. После этого в Ходжели наши родственники Нурымбет зергер (зергер – ювелир. – А. С.) и Еримбет зергер, услышав, что такой-то ахун вместе с семьей переезжает, поджидали его. Ведь ишанов тогда очень почитали. Когда на лодке переправлялись через реку, они забрали их к себе и полтора месяца ухаживали за ними. Тот человек сам рассказал мне об этом. Он уже был стар, а я тогда молодой еще. Нурымбет зергер рассказал. Нурымбет зергер и Еримбет зергер были известными людьми в Ходжели. Тот человек говорил: “Ты внук Торенияз ахуна?! До его отъезда в Туркмению я полтора месяца ухаживал за ним у себя дома, затем сам проводил его (тогда машин нет, переезжали на арбе)”. Так в Куня Ургенче дед прожил два года. Я рассказываю по рассказам очевидцев.

Тогда мы маленькие, многие рассказы не слушали. Из Куня Ургенча они приехали обратно через два года. Думая, что теперь-то все наладилось. Но после приезда его стали преследовать снова. После этого в 1937 году он умер. Умер в 63 года. У него были три жены. От старшей был сын Мухаммедшарип. Нашу бабушку звали Карима. От второй жены родилось 13 детей. Но в то время была высокая смертность. Живы остались мой отец Аблаким максым и младший Абдирейм максым. Старшая Перихан Ауезова. Эти трое родились от Каримы. После смерти деда остались они. Деда преследовали, лишили прав. Все, кто был ишаном, были неправыми, раз неправые, то и работы нет, в колхоз не принимали. Поэтому мы тоже осиротели¹⁵.

У Торенияз ишана были суфии (мюриды. – А. С.), много суфиев. Один обучал одного, тот – другого. Возглавлял их он, Торенияз ахун, но все они подчинялись Каракум ишану. После смерти деда его старшего сына объявили ишаном в 1939 году. Народ объявляет ишаном, сажает на белую кошму и поднимает одного ишана вместо другого. Спустя немного времени его арестовали и сослали в Сибирь. Мухаммедшерипа. Наш отец только что женился. Теперь же ишаном должны объявить моего отца. Когда его подняли ишаном, он сбежал, потому что его тоже будут преследовать. Если жить в ауле, то батраки не оставят в покое. Он бежал в Кенес к Аккалашы – аралбаям (так называют аралбаев, выходцев из места Аккала, что на море), там были родственники нашей бабушки, из рода жагалтай кипчак. Он прятался в посевах джугары. Между тем началась война 1941 года, нашего отца забрали на войну в октябре 1941 года. В феврале 1941 года родился мой младший брат. Нас только двое детей. Брата зовут Зинеладдин.

Перихан Ауезова младшая после Мамбетшерипа. Она первая дочь ишана. Здесь уместно рассказать о Перихан. Времена меняются, их преследуют, поэтому она стала подражать новому времени. “Не хочу быть дочерью ишана, житья нет, учиться не дают”, – сказала и так она сбежала в Турткуль. Перихан родилась в 1915 году. Сбежав в Турткуль, она поступила в ФЗО, участвовала в художественных самодеятельностях. Тогда театр только начинал работать, “Таң нуры”, кажется. Потом она закончила театральный институт имени Станиславского в Москве.

¹⁵ Сайтов А. Полевые записи № 8 2015 г.

Потом до 1953 года работает артисткой. Так вот, она стала нашей кормилицей. Заслуженной артистке Каракалпакской АССР выдали дом в центре Нукуса. Оттуда я ходил в школу, с шести лет я жил у нее, ходил в школу имени Пушкина. В Нукусе тогда была только одна школа. Я в школу ходил босиком. Полгода проучился босиком. Вот такие тяжелые были времена».

Вопрос: «Почему у Перхан Ауезовой фамилия другая?»

Информант: «Из-за притеснений она взяла фамилию мужа. Чтобы не говорили, что она дочь ишана. Они были бесправные. Она училась в Турткуле, в училище, на латинице. Потом в Москве. Окончила театральный институт. Юлдаш Шарипов, Гулхан Шеразиева, Айымхан Шамуратова, Тохта Рахманова – они были первыми артистами».

Вопрос: «Вам или Перхан Ауезовой навредило то, что ваш отец был ахуном?»

Информант: «Нет, никто об этом не знал. Мы были как бы сиротами».

Вопрос: «Случилось ли так, что вас, как детей или внуков Торенияз ахуна, не приняли в школу, в комсомол?»

Информант: «Нет, я с шести лет в Нукусе. Я был коммунистом. Никто меня не знал, не знали, чей я сын. Про тетю тоже не знали, что она дочь ишана. Потом, через несколько лет, бабушка отвезла меня в аул. Я был еще мальчиком. Те, у кого мы гостили, уважают, ведь елти (жена) ишана приехала, просят остаться на ночь. Дают в руки 1–2 рубля. Я-то вижу это. Один родственник дал 3 рубля. Я полюбил того человека. За то, что он дал 3 рубля. То был бедный Жумахан ага»¹⁶.

Краткий вывод о разных сложившихся судьбах делает Е.Ю. Шуткова: Необходимо определить и найти место истории репрессий в отношении детей, подростков, молодежи, женщин в целом в социальной истории XX века... На протяжении всей истории политики репрессий в отношении несовершеннолетних власть не препятствовала «социально неопасным» родственникам брать к себе детей репрессированных родителей, что способствовало сохранению семейных связей... Многие люди, которых можно отнести к несовершеннолетним жертвам советских политических репрессий, преодолев массу трудностей разного рода, сегодня еще живут среди нас. Все они являются достойными гражданами современного общества¹⁷.

«Особенно жалко то, что дети большинства невинно осужденных были вынуждены отказаться от имени отца. Кто-то взял фамилию дяди, кто-то фамилию матери. К примеру, обе дочери Абдижалил Максым Исметуллаева, признанного «врагом народа», – Рауия (первый кандидат филологических наук среди каракалпачек), Гулайша (народный писатель) – взяли фамилию отца матери...»¹⁸

Вспоминает разные эпизоды из своей жизни Гулайша Есемуратова (1929 г.р (по паспорту – 1930 г.), г. Нукус):

«Сейчас мы отцом зовем Есемурата (отец матери Гулайши, потом она взяла фамилию деда. – А. С.). Когда я пошла в школу, меня не приняли. Сказали, что байскую дочь, детей ишанов и улама – “врагов народа”, в новую школу не примут. Тогда пошел дед Есемурат: “Это не дети врага народа, это мои дети. У них моя фамилия, мое имя. Живут моим именем, моим хлебом. Кто такой Жалий (Абдижамил) максым? Они даже не видели его, не знают его. Примите в школу! Запишите Есемуратова, дочь Есемурата” Так нас обеих отдали в школу. Рауия пошла в чуть старший класс. Учеба в школе тоже была не в радость. Один учитель учит, второй выгоняет: “Ты дочь врага народа!” Говорят, я пошла в школу в 1936 году. Если я родилась в 1929 году, а в 1936 году мне было около шести лет. По словам Рауии, в шесть лет я ходила за ней в школу. Отняли медресе Садулла ахуна и переделали в школу. Основной год обучения, по-видимому, был 1937 год. С тех пор я Есемуратова, из рода анна. Отца мы не видели, не были под его воспитанием, он не гладил нам

¹⁶ Сайтов А. Полевые записи № 8 2015 г.

¹⁷ Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. С 8, 22, 28.

¹⁸ Бабашев Ш. Қарақалпақстан Республикасы тарихындағы сиясий қурбанлар. Нукус, 2003. С. 263–264.

волосы, не целовал нас в лоб. Не знаем, какие у отца были руки: мягкие или жесткие, теплые или холодные. Так мы росли, росли в трудностях. Мне было очень трудно.

Дети не давали играть. Я выигрывала, но они меня дразнили, что я дочь ишана, дочь басмача. Сколько раз дед, взяв в руки грабли, прогонял детей. Мне нельзя было хорошо учиться, нельзя было выигрывать. Был у нас учитель Сейтмурат. Моим первым учителем был Кыдырбай Сатуллаев (Сын Сатулла ахуна. – А. С.). Власти попросили его быть учителем, так как он был грамотным, но Сейтмурат написал на него жалобу и сам вместо него стал учителем. Он не давал учиться мне и мальчику Атамурату. Отец Султанова Атамурата был начальником, его тоже обвинили и объявили “врагом народа”... Однажды Марат (академик Нурмухамедов) мне говорит:

– Ты, оказывается, дочь “врага народа”? Я недавно узнал.

– Но мы же вместе учились, как ты не знал?

– Ты же сестра Есемуратова (Айтжан Есемуратов – известный ученый филолог. – А. С.).

Я говорю: – Ты же тоже стоял в сторонке, когда мы все собирались, смеялись. Ты-то почему сторонился?

– Я боюсь и стыжусь, я тоже сын “врага народа”.

Мы потом это узнали. У детей ахунов, баев повсюду земля под ногами горела».

Вопрос: «Когда вы учились, тоже не давали покоя, говоря, что вы дочь ишана, максыма?»

Информант: «Да, пишут жалобу и проверяют. Без конца ходишь в КГБ. Проверят-проверят и отпустят, но постоянно следят за тобой. В комсомол не пускают, перед людьми выступить не можешь».

Вопрос: «А пионерам были?»

Информант: «Я не была пионером. В Чимбае как-то вступила, но исключили, сказав, что я дочь ишана».

Вопрос: «Комсомолом стали?»

Информант: «Нет, но я работала в газете “Жас Ленинши” – то есть комсомол. Когда хотела вступить в профсоюз, мне не дали. Я тогда училась на первом курсе».

Вопрос: «Когда звали в КГБ, о чем они расспрашивали?»

Информант: «Не расспрашивали. Потом, когда я начала работать в редакции “Жас Ленинши”, допросили. До этого просто говорили: “Не выступай. Не ссорься с людьми, с детьми. Никого не критикуй”. Когда я поступила работать в газету, редактором временно был некий Бекмуратов Айтжан. Он сразу позвал меня к себе. “Ты почему устроилась сюда? Сможешь работать? Не сделаешь ошибку? Если допустишь – ждет Сибирь. Мы в курсе, что вы, будучи ребенком “врага народа”, выросли в большой обиде. Но мы вам не верим, вы же допустите ошибку”. На работе писали на меня жалобы, причем специально».

Вопрос: «Эти жалобы касались вашей профессиональной деятельности?»

Информант: «Нет. Почему дочь врага народа работает в газете, которая является зеркалом народа? Примерно такого содержания. Почему Есемуратова там работает?

Однажды позвали: – Оказывается, вы супруга Сабыра Камалова¹⁹.

– Да.

– Почему вышли замуж за него?

– Полюбила.

– Надо же именно его полюбить. Он сын врага народа. Ты же знала об этом?

Вот так они спрашивали. Что на это ответишь? Мы оба не знали этого. Нас допрашивали по отдельности. Он недавно узнал об этом и сильно сожалел, почему я не сказала раньше.

Я не знала, что он сын ишана. Не спрашивала. “Любовь. Понимаете?” – говорила я им.

“Да, мы понимаем, ну любишь, а другого любить нельзя?”

¹⁹ Камалов Сабыр (1924–2009) – доктор исторических наук, академик АН РУз, профессор.

Шерип Бабашев²⁰ написал же, какие глупые вопросы они задавали. Под мужчин они жгли огонь, пока они не падали в обморок. Так они мучали их. Бедный Ибраим (поэт Ибраим Юсупов был их близким родственником. – А. С.) приходил к нам по ночам и поддерживал отношения, а так, как будто не знаем друг друга»²¹.

Многие люди боялись ворошить историю своих репрессированных предков. Народный поэт Узбекистана и Каракалпакстана Ибраим Юсупов также скрывал, что его отца репрессировали. Он долгое время не знал ничего об отце, увидев статьи о репрессированных Ш. Бабашева, обратился к нему за помощью узнать о нем. В начале 2000-х гг. узнал, что отца его в 1989 г. оправдали, а также причину его ареста.

В послевоенные годы общество надеялось на перемены, но гонения и преследования религиозных деятелей продолжались, несмотря на несправедливость и жестокость масштабы не достигли «большого террора».

Способы борьбы были весьма изощренными и тонкими, запрещалось паломничество к «святым местам», «были прекращены прямые репрессии против официального духовенства»²². «За нарушения советского законодательства о религиозных культах активные представители духовенства (больше неофициального) подвергались штрафам, арестам и редко высылке. Такие меры наказания и гонения не заставили большинство служителей культа отказаться от своего духовного предназначения, и они продолжали исполнять религиозные обряды»²³.

После массовых репрессий в послевоенные годы число ишанов, улем, имевших влияние среди широких масс, резко сократилось.

Одним из влиятельнейших фигур мусульманского духовенства в Каракалпакстане тех лет был Салмен ишан, о котором были наслышаны во всех уголках региона. В кризисный для нее период, советской власти понадобилась поддержка религиозных деятелей, к которым прислушивался народ.

Вопрос: «Вы видели Салмен ишана? Что вы о нем слышали?»

Информант: «Я его не видел. У меня был посаженный отец. Он был полковником милиции, был прокурором в Тахиаташе. Умер в 53 года. Таумурат Алланазаров его звали. Он рассказывал, что читал допрос Салмен ишана. Тогда у Салмен ишана спрашивали:

- Ты знаешь такого-то Джонсона? – Он говорил:
- Наверное, знаю, сынок, как знать.
- Он тебе говорил так-то, так-то?
- Может, говорил, сынок.

И так весь допрос. Салмен ишан три раза совершал хадж. Каждый раз его мучали, что он ездил для шпионства. После смерти его тело выбросили в канаву. Один милиционер показал это место его дочери. Потом его перезахоронили в другом месте»²⁴.

О деде Салмен ишан вспоминает его внук от дочери Абдикадир Абдигаппаров (1948 г.р., г. Чимбай, Республика Каракалпакстан):

«Я знаю немного. В 1958 году деда оправдали. Поэтому народу дали садака²⁵. Но после этого на нашу мать начали давить. Она ходила на допросы, моего отца за садака арестовали. Это случилось после садака. Мать допрашивали.

Во время репрессии деда прятали на кладбище. Один из суфиев носил ему еду, когда шел обратно, он тащил за собой верблюжью колючку, чтобы не оставить следов.

²⁰ Бабашев Шерип (1930–2014) – кандидат исторических наук, профессор, автор серии книг о политических репрессиях в Каракалпакстане.

²¹ Сайтов А. Полевые записи № 7 2015 г.

²² Мусульманские духовные лидеры России Нового времени. Нижний Новгород: Медина, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3488>

²³ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала. 2010. С. 8.

²⁴ Сайтов А. Полевые записи № 8 2015 г.

²⁵ Поминки по умершему.

Деда допрашивали приехавшие из Туркестанского военного округа. Они считали его агентом Англии. Где Англия, а где он? Если он не знал английского языка, наверное, он даже русского языка не знал. Если и знал, то знал арабский, читал Коран, имел уважение среди народа. Но он бежал от преследований, от гонений».

Вопрос: «Вы помните те поминки? Если вы родились в 1948 году, вам было тогда около 10 лет».

Информант: «Это было как раз здесь. Салмен ишан умер в 1953 году, а в 1958 году его оправдали. После этого была садака, но потом пошли слухи. Здесь было, в этом доме. Тогда был старый дом, в 1970 году построили новый дом.

За то, что помогал и дал разрешение на садака, первого райкома убрали с работы. Тогда был горсовет. Возглавляла Садуакасова Орынгул апа. Ее тоже уволили по этой причине. Из-за доноса, что они помогали, здоровались, приходили к нам, участвовали на садака, их всех уволили.

Дочь Салмен ишана Бийбисалха (мать респондента. – А. С.) женила своего мужа Абдиганнара на его овдовевшей невестке, чтобы его постоянно не допрашивали и не сажали в тюрьму, так как он был зятем Салмен ишана.

Наш отец был ишаном – Абдиганнар ишан – за это его сажали два-три раза. Из-за того, что отцу не давали покоя, наша мать специально женила его на его невестке Гулзабире (по традиции левирата. – А. С.).

Но он жил с обеими семьями. В 1958 году и там, и здесь родились дети. Мать его отправила, потому что время было такое. Но он к нам приезжал.

Потом в Шахамане построили дом, и отец жил там. «Если ты останешься здесь, тебе не будет покоя, лучше будем подальше от преследований, ты тоже живи спокойно», – так сказала мать. Видимо, это все из-за гонений.

Отца же тоже посадили, он семь лет пробыл в Сибири. Вернулся в 1955 году. Забрали в 1947-м или в 1948 году. Был в Иркутске. В каторгу отправили. Наверное, здесь случилась ссора из-за земли и его отправили, объявив противником власти. Мы точно не знаем за что.

Там было много казахов. Женился на казашке. Оттуда приехал парень 1949 года рождения и сказал, что он его сын. Сюда пришел, в этот дом. Мы отвезли его к отцу. Потом он взял фамилию отца, до этого у него была другая. Он жил в Нукусе. Был врачом. Нейрохирург.

Отец не рассказывал о том, что происходило на каторге. Но, кажется, в Иркутске они копали золото или что-то подобное. Он говорил о золоте. Там холодно, там они работали. Тогда его в первый раз арестовали. На каторге нелегко ведь. Второй раз – в 1958 году после садака. Как его забрали, кто забрал, этого я не помню. Моя младшая сестра родилась в 1958 году. Фатима. На допрос мать ходила с ней. Следственная находилась в конторе милиции за каналом Кегейли. Мать не арестовали именно потому, что у нее был маленький ребенок.

Наш отец был ишаном, получил религиозное образование. Может, в самом Каракуме, ведь там же было медресе. Я точно не знаю. Но родился он в Каракуме. Он говорил: «Там я появился на свет, там же похороните». Он там родился, вырос.

Однажды, не знаю за что, но отца посадили на шесть месяцев. Это было попозже, мы тогда уже выросли. Через шесть месяцев мы съездили за ним в Ташкент и привезли домой. В то время я заканчивал учебу. Должно быть 1972–1973 годы»²⁶.

Общество сильно культивировало Салмен ийшана. Слухи о его страданиях в тюрьме, о том, как дочь нашла и похоронила выкинутое в канаву тело отца, быстро распространились среди народа. Его дочь начала пользоваться большим уважением среди народа, за поддержку и службу отцу в трудные дни. Особенно в Чимбае ее очень уважали.

«В то время правительство, райком и весь народ уважали нашу мать. Сам райком, когда ехал на машине, увидев нашу мать, останавливал машину, выходил и здоровался с

²⁶ Сайтов А. Полевые записи № 1 2015 г.

нею. Отправлял человека, чтобы справиться о ее здоровье: “как вы поживаете, как ваше здоровье, не нужна ли помощь?”. Это же их чистосердечие.

Райкомы тогда приходили, но тайно. Мы-то молодые тогда, ничего не знаем. Жумабай Мамутов всегда с нами поддерживал отношения. В 1979 году Жумабай ага был директором РайПО. Я работал учителем в вечерней школе, после того, как заочно окончил учебу. Он взял меня на работу в райком. Оргинструктором. Потом я стал райкомсоюзом. Моя мать умерла в 1986 году.

Наша мать отжила свое в советскую эпоху. По паспорту полное имя нашей матери – Бибисара. Но на самом деле, должно быть, Бибисалха. Написано Салменова Бибисара. Это по паспорту. Бабушка звала нашу мать Салхажан. Поэтому я говорю, что ее настоящее имя, должно быть, Бибисалха. Весь Чимбай звал ее Сала апа. Имя ей дали по религиозной книге. Во время утреннего намаза причитают “Илайа-ас-сала”, вот оттуда и взято ее имя.

«Существуют тысячи свидетельств, исторических документов о том, что на протяжении нескольких десятилетий представители советской власти под предлогом политической борьбы с “врагами народа”, “антисоветчиной”, “контрреволюцией” совершали в отношении несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих маленьких детей, насильственные действия в соответствии с существующими тогда законами. Эти действия принято называть “политическими репрессиями”»²⁷.

Эти дети и взрослые считались «врагами народа». Потомки репрессированных с мужеством и достоинством перенесли эти сложные испытания судьбы, большинство из них в период жизни в советской эпохе добились больших успехов и были передовиками в своей сфере.

Полученная информация в восприятии бывших детей, рассказы жертв репрессий послужили предметом наших исследований. Представленные источники, носящие в себе глубокий личный контекст, во многом помогли воссоздать картину о трагической судьбе сталинских репрессий.

Через изученные воспоминания можно раскрывать большие проблемы, как в социальной истории, так и в других вопросах.

Устная история как вид источника помогает проследить реализацию репрессивной политики в истории людей, отдельной семьи, восполняет информационный пробел. В устных рассказах можно проследить некоторые нюансы и детали о каких-то фактах, о которых умалчивают другие источники, которые могли быть уничтожены.

Литература

Абдимуратов Т. Репрессияға ушыраған уламалар. Нукус: Каракалпакстан, 1992.

Адилов А. Билгениңнен билмегеним көп дүнья. Нукус: Билим, 2004.

Азимова Н. Жизненная история (Life history) как одна из разновидностей биографического метода // Устная история в Узбекистане: теория и практика: сб. науч. ст. Ташкент, 2011. Вып. I. С. 30.

Алимова Д.А. История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. I. С. 74.

Бабашев Ш. Дөхмет дегиши. Нукус: Каракалпакстан, 2009. С. 14–15.

Бабашев Ш. Қарақалпақстан Республикасы тарийхындағы сиясий қурбанлар. Нукус: Каракалпакстан, 2003. С. 263–264.

Даулетмуратов А. Салмен ийшан. Нукус: Каракалпакстан, 2008.

Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии (очерки историографии и источниковедения) / отв. ред. А.Д. Алимова. Ташкент: Янги нашр, 2014. С. 3.

Қаниязов С. Алтын жағыс. Нукус: Билим, 2006.

²⁷ Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии... С. 4.

Қарлыбаев М. Мусульманское духовенство и власть // Вестник ККО АН РУз. 2003. № 5. С. 4

Қунназаров А. Жети асырым. Нукус: Каракалпакстан. 2000

Махкамova Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в). Ташкент: Aloqachi, 2009. С. 172.

Мусульманские духовные лидеры России Нового времени. Нижний Новгород: Медина, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3488>

Палуниязов Ю. Өмир соқпақлары. Нукус: Каракалпакстан, 2009.

Примов О. Ҳаетим мазмуни. Ургенч: Хорезм, 1998.

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 14, 7.

Сайтов А. Полевые записи № 1. 2015 г.

Сайтов А. Полевые записи № 5. 2015 г.

Сайтов А. Полевые записи № 7. 2015 г.

Сайтов А. Полевые записи № 8. 2015 г.

Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала, 2010.

Тилеубергенов А. Кемликтен камал тапқанлар. Нукус: Билим, 2014.

Усенов Е. Ийшан қала: Ғайры журтлардағы қарақалпақлар. Нукус: Каракалпакстан, 1992.

Утеулиев О. Ҳўждан ҳэм ҳўким. Нукус: Каракалпакстан, 1992.

Шагилов И. Өткен күнлерди еслеймен. Нукус: Билим, 2012.

Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

References

Abdimuratov, T. (1992). *Repressiga ushyragan ulamalar* [Repressed Confessors]. Nukus, Karakalpakstan.

Adilov, A. (2004). *Bilgeninnen bilmegenin kop duniya* [The world I know much less than I know]. Nukus, Karakalpakstan.

Alimova, D.A. (2008). *Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka*. [History as history, history as science]. Tashkent, Uzbekistan, Vol. I., 74 p.

Alimova, D.A. (Ed). (2014). *Istoricheskaya nauka v kontekste intellektualnogo razvitiya Tsentralnoy Azii* (ocherki istoriografii i istochnikovedeniya) [Historical science in the context of intellectual development in Central Asia (essays on historiography and source studies)]. Tashkent, Yangi Nashr, 3 p.

Azimova, N. (2011). *Zhiznennaya istoriya* (Life history) *как odna iz raznovidnostei biograficheskogo metoda* [Life history as a kind of biographical method]. In *Ustnaya istoriya v Uzbekistane: teoriya i praktika: sb. nauch. stat.* [Oral history in Uzbekistan: theory and practice. Collection of scientific articles]. Tashkent. Iss. I, p. 30.

Babashev, S.H. (2003). *Karakalpakstan Respublikasy tariyxindagi siyosiy kurbanlar* [Victims of repression in the history of the Republic of Karakalpakstan]. Nukus, Karakalpakstan.

Babashev, S.H. (2009). *Dokhmet degishi* [The erosion of slander]. Nukus, Karakalpakstan.

Dauletmuratov, A. (2008). *Salmen iyshan* [Salmen iyshan]. Nukus, Karakalpakstan.

Kaniyazov, S. (2006). *Altyn zhagys* [Gold coast]. Nukus, Bilim.

Karlybayev, M. (2003). *Musulmanskoye dukhovenstvo i vlast* [The Muslim clergy and the power]. In *Bulletin of Karakalpak branch of Uzbek Academy of Sciences*. No. 5, p. 4.

Kunnazarov, A. (2000). *Zheti asyrym* [Seven of my passes]. Nukus, Karakalpakstan.

Makhkamova, N.R. (2009). *Sotsialnaya struktura obshchestva na territorii Uzbekistana: traditsii i transformatsii (konets XIX v. – 30-ye gody XX v)* [Social structure of society on the territory of Uzbekistan: traditions and transformations (the end of the 19th century – the 30s of the 20th century)]. Tashkent, Aloqachi, 172 p.

(2011). *Musulmanskie duhovnye lidery Rossii Novogo vremeni* [Muslim Spiritual Leaders of Modern Russia.]. Nizhniy Novgorod, Medina. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3488>

Paluniyazov, Yu. (2009). *Өmir soqpaqlary*. Nukus, Karakalpakstan.

Primov, O. (1998). *Khaetim mazmuni* [The sense of my life]. Urgench, Khorezm.

Saytov, A. (2015). *Polevyye zapisi* [Field records]. No. 1.

Saytov, A. (2015). *Polevyye zapisi* [Field records]. No. 5.

Saytov, A. (2015). *Polevyye zapisi* [Field records]. No. 7.

Saytov, A. (2015). *Polevyye zapisi* [Field records]. No. 8.

Shagilov, I. (2012). *Otken kunlerdi esleymen* [Remembering the past days]. Nukus, Bilim.

Shutkova, Ye.Y. (2003). *Sovetskiye politicheskiye repressii v otnoshenii nesovershennoletnikh (1917–1953 gg.)* [Soviet political repressions in relation to a minor (1917–1953)], Cand. hist. sci. diss. abstract, Izhevsk.

Sulaev, I.Kh. (2010). *Musulmanskoe dukhovenstvo Dagestana i vlast: istoriya vzaimootnosheniiy (1917–1991 gg.)* [The Muslim clergy of Dagestan and the government: a history of relations (1917–1991)], Dr. hist. sci. diss. abstract, Makhachkala.

Tileubergenov, A. (2014). *Kemlikten kamal tapkanlar* [Recovered from the poor life]. Nukus, Bilim.

Usenov, E. (1992). *Iyshan qala: Gayry zhurtlardagy karakalpaklar* [Iishan-kala: Karakalpaks from abroad]. Nukus, Karakalpakstan.

Uteuliyev, O. (1992). *Hujdan ham hukim* [Conscience and sentence]. Nukus, Karakalpakstan.

Yakovlev, A.N. (Ed). (1991). *Reabilitatsiya: Politicheskiye protsessy 30–50th godov* [Rehabilitation: Political processes of the 30–50s]. Moscow, Politizda.

Статья поступила в редакцию 28.07.2020 г.